

## История 1. Пластинки

Когда у меня начали выпадать молочные зубы, я обрадовался. Во-первых, мышка за каждый зуб подарок приносила. А во-вторых, я стал на настоящего разбойника похож. Осталось только научиться свистеть и плевать сквозь дырки. Но долго радоваться не пришлось. Новые зубы росли быстро. И были кривыми, как старый дедушкин забор. Мама, конечно, сразу сказала:

– Костик, я ведь тебя предупреждала, что надо больше морковки грызть! Что теперь делать? Зубы совсем кривыми растут!

Предупреждала, предупреждала! Разве я мог подумать, что это правдой окажется? И морковку терпеть не могу. Мама очень переживала и записала меня к ортодонту. Ох и напридумывают же названий всяких! Еле запомнил это слово. Ортодонт – это такой врач, который зубы выпрямляет. Я, так и быть, согласился сходить, чтобы она успокоилась.

В кабинете меня усадили в кресло.

– Здравствуй, Костик, – сказал врач Иван Романович, – давай посмотрим, что у тебя там.

Как «что»? Станный вопрос. Зубы у меня там. Я сразу насторожился. После осмотра врач посмотрел на маму и сказал:

– Челюсть маленькая. Зубы не помещаются. Вот и растут криво. Придётся ставить пластины.

– А это не больно? – мама испуганно посмотрела на доктора. – Костик очень чувствительный мальчик.

– Не переживайте! Это просто пластины. Как только челюсть раздвинется, он их перестанет носить.

Мама сразу успокоилась и согласилась. Меня спрашивать никто не стал. Только Иван Романович попросил опять открыть рот. Я открыл. Вдруг – я даже подскочил от неожиданности – врач начал засовывать мне в рот какой-то пластилин. Я уже испугался, что мне теперь всю жизнь так ходить придётся, но Иван Романович сказал:

– Сейчас слепок сделаем, а по слепку в лаборатории изготовят пластины, – и вытащил пластилин у меня изо рта.

Ура! Свобода! А потом он спросил меня, какого цвета пластины я хочу: прозрачные или голубые? И тут я подумал, что, может, зря волнуюсь. А вслух ответил:

– Голубые.

– Отлично! Через неделю будут готовы. Приходи на примерку. До встречи!

Если б я тогда знал, что такое пластины, на примерку не пошёл бы ни за что в жизни. Но я ещё не знал... Поэтому через неделю опять сидел у него в кабинете. Сияющий Иван Романович вытащил что-то голубое и повертел в руках.

– Ой, что это? – спросил я.

– Это твои пластины, – ответил он. – Прошу примерить.

Иван Романович сунул пластины мне в рот. Они очень мешались. Я сидел с надутыми щеками, будто целую кружку воды в рот набрал.

– Сосчитай до десяти, – попросил доктор.

– Адын, хфа, фхы, сетыге, – начал я.

– Что ж, неплохо, – сказал Иван Романович.

– Он что, всегда так будет в пластинах разговаривать? – заволновалась мама.

– Пока не привыкнет. Придётся немного потерпеть, – доктор был спокоен как танк.

Всю ночь я не мог уснуть. Ворочался с боку на бок. Пластины давили везде, как тиски. Языку было тесно. Это не пластины, а орудие пыток какое-то! Хорошо, что следующий день был воскресенье и мне не надо было в школу. А то я совсем не выспался. Утром, перед завтраком, я снял пластины и завернул в салфетку, а салфетку на подоконник положил, между цветочными горшками. Это чтоб никто их не заметил. А то ведь мама мне

специальную коробочку для пластинок купила. Но мне так есть хотелось, что коробочку искать сил не было. После завтрака мама напомнила:

- Костик, не забудь надеть пластинки!
- Да-да, я помню, - сказал я. - Только доем пряник.

А когда я доел пряник, меня за рукав уже дёрнула Лена, моя сестра:

- Ты ведь поиграешь со мной в лошадок? - просила она.

Я нехотя согласился, и мы пошли играть. А потом папа предложил свозить нас в зоопарк. Перед выходом из дома мама опять спросила:

- Костик, ты в пластинках?
- Да-да, я сейчас, - крикнул я, - только кепку найду.

Пока я искал кепку, пластинки опять вылетели у меня из головы. А потом мы поехали в зоопарк! Ну и здорово же там было! А когда вернулись домой и сели ужинать, мама вдруг опять спросила:

- Костя, где твои пластины?
- Я почесал затылок, опустил голову и промычал:
- М-м-м... Не знаю.

Я изо всех сил пытался вспомнить, куда положил эти несчастные пластины. Но у меня не получалось. Я начал метаться по квартире. Но их нигде не было. Тогда я закричал:

- Вспомнил! Я ж с утра в салфетку завернул!
- А салфетку куда положил? - спросил папа.
- А вот куда положил салфетку, хоть тресни, не помню, - грустно ответил я.

- Ой, а я какую-то салфетку уже выбросила! - подскочила мама. - Хорошо, что папа ведро не успел вынести.

Она расстелила на полу мешок, высыпала весь мусор из ведра, и мы начали его перебирать. Среди огрызков, бумажек и картофельных очисток я вдруг увидел наклейку с трансформером.

- А кто выбросил мою наклейку? - я чуть не расплакался. - Это же коллекционная!

- Ты бы лучше так о пластинках волновался, - возмутилась мама.

Трясущимися руками я схватил наклейку и начал вытирать о штаны. Потом подбежал к подоконнику, чтобы быстренько её спрятать. Я просунул руку между цветочными горшками. Рука наткнулась на что-то.

- Да это же пластины! Вот они! А вы тут паникуете зря, - пробурчал я.

Мама с папой долго ругали меня. Пришлось пообещать, что теперь буду носить пластины не снимая. Я бы обязательно так и сделал. Но на следующий день пошёл в школу. Вот тут началось... В раздевалке я встретил Антона. Мы с ним почему-то всегда ссоримся. Вот уж не знаю почему?! Он поздоровался со мной:

- Здорово, Костик!
- Пывет! - хмуро ответил я.
- Что это с тобой? - заинтересовался Антон.
- Ныхэхо, - прошепелявил я.

- У тебя что, вставная челюсть?

И чего он всегда лезет куда не надо? Я начал злиться и сказал:

- Охтань!
- Ты что, не можешь нормально ответить? - спросил Антон.

- Я хкажал, охтань! - сказал я и сжал кулаки.

- Точно, вставная челюсть! - хихикнул Антон.

- Ну хё! Напхосихся! Хам ты вхтавная хелюсть! Хыхас у тыпя вхтавная селюсть бухэт, - закричал я и двинул Антону по щеке.

Антон не растерялся и дал мне сдачи. В общем, классно мы тогда подрались. За драку Анна Сергеевна даже отвела нас к директору. Дома я заявил маме, что больше эти дурацкие пластинки в рот



Рисунок Светланы Грибановой

ни за что не засуну. Мама начала меня уговаривать. Тогда я решил с ней не спорить. Дома демонстративно засовывал пластины в рот, но как только приходил в школу, снимал их и убирал в коробочку. Мама была довольна, потому что думала, что я ношу пластины. А я был доволен, что не расстраиваю её. Так я ходил два месяца, а потом... Потом мы пошли на приём к ортодонту, чтобы посмотреть, выпрямятся мои зубы или нет. Иван Романович посмотрел на мои зубы и сказал:

- Странно... А как часто Костик носит пластины?
- Каждый день, - уверенно ответила за меня мама.
- Не похоже, - так же уверенно ответил ей доктор.

Тогда мама и Иван Романович внимательно посмотрели на меня. Я вжался в кресло и молчал. Только выводил глазами круги и улыбался. Тогда они

всё без слов поняли. Дома мама плакала, что я всю жизнь теперь буду с кривыми зубами ходить. И тогда вmeshал папа. Он поговорил со мной как мужчина с женщиной: сунул мне под нос кулак и спросил:

– Чуешь, чем пахнет?

– Колбасой, – ответил я, потому что папа как раз в это время резал колбасу.

Это я зря сделал. Потому что папа очень рассердился и поставил меня в угол. А потом объяснил, для особо одарённых, что пахнет ремнём. В этот момент я понял, что пластины носить всё-таки придётся. В школе я всё время молчал. Даже перестал есть и смеяться. Хорошо, что начались весенние канику-

лы, а то я бы совсем отошел. А после каникул я пришёл в школу. Я твёрдо решил, что обязательно надо с Антоном помириться. А то мы не общались после той драки. Я увидел его в раздевалке и сказал:

– Пивёт!

А он мне вдруг ответил:

– Ждогово!

Антон улыбнулся. На его зубах блеснула знаковая полоска. Я сочувственно пожал ему руку и хлопал по плечу. С тех пор мы с Антоном дружим. И даже организовали тайный клуб «Челюсть», куда принимаем только тех, кто носит пластины. Если ты тоже носишь пластины, добро пожаловать!

## История 2. Про Париж

Я очень люблю ходить в школу. В нашем классе столько всего интересного каждый день! И учительница у нас тоже хорошая. Только она всё время мне замечания в дневник пишет. Говорит, что поведение у меня хромает. Вот вчера опять целое сочинение накатала. Мама вечером это увидела и запричитала:

– Да что это за мальчик такой? Тебе что, сложно спокойно на уроках сидеть? Почему я каждый вечер должна одно и то же читать?

Я стоял опустив голову и теребил рукой рубашку, пока пуговица не оторвалась. Пуговица упала и покатилась. Я начал её ловить.

– Да ты даже со мной поговорить спокойно не можешь! – окончательно разозлилась мама. – Ну в кого, в кого ты такой?

Я встал, уставился в пол и шмыгнул носом. А потом вспомнил любимую бабушкину поговорку и ляпнул:

– Осина не родит апельсина.

– Ну, знаешь! Это уж слишком! – мама бросила дневник на стол, встала и пошла к выходу из комнаты. – Или ты нормально сидишь на уроках, или ни на какой каток в субботу не пойдёшь!

Мама ушла готовить ужин. А я сидел один в комнате и думал о своей непростой жизни. Я очень хотел на каток. Потому что люблю кататься на коньках. Очень сильно люблю. Больше всего на свете! В тот вечер я понял, что придётся «взять себя в руки», как говорит папа, и сидеть спокойно.

На следующий день в школе первые три урока я сидел тихо. Анна Сергеевна даже начала думать, что я заболел. И вот остальное выдержал последний урок... Прозвенел звонок. Все ребята сели за парты. Я тоже сел. В классе тишина. Сижу, стараюсь не отвлекаться изо всех сил. Даже глаза на учительницу вытаращил, чтобы лучше видно было, и уши руками в разные стороны вытянул. Анна Сергеевна посмотрела на меня внимательно и спросила:

– Костя Курочкин, ты в Чебурашку превращаешься?

Все ребята тут же захихикали. А я честно ответил:

– Это чтобы вас лучше слышать, Анна Сергеевна!

– Хорошо, – ответила Анна Сергеевна. – Надеюсь, тебе это поможет.

Окружающий мир – самый интересный и самый сложный урок. На доске была написана тема: «Достопримечательности Парижа». Анна Сергеевна начала рассказывать. Я слушал, слушал. Старался смотреть только на неё. Я даже моргать боялся. И тут, как назло, краем глаза увидел за окном нашего соседа. Сергей Сергеич вышел гулять с собакой. Пёс Вольт был одет в красный комбинезон. Сергей Сергеич кидал Вольту мячик, а Вольт приносил его обратно. Эх, хорошо сейчас Вольту. Он гуляет. А я даже пошевелиться боюсь. Я бы так и смотрел на Вольта, но Лёшка Тузиков начал тыкать меня в спину линейкой. Я повернулся к нему и спрашиваю:

– Чего тебе?

– Да я так, – говорит Лёшка, – уже забыл.

Только я отвернулся, а Лёшка опять линейкой меня тыкает. Поворачиваюсь.

– Вспомнил, – говорит Лёшка, – давай подерёмся?

– Лёш, – говорю, – я маме обещал, что слушать на уроках буду внимательно.

– А-а-а-а, – протянул Лёшка, – ну тогда ладно, слушай.

Анна Сергеевна заметила, что мы болтаем, и сказала:

– Ребята, пожалуйста, тише!

Я вытянулся и дальше слушаю. И тут я посмотрел на мою соседку по парте, Лизу Кондратенко. Какая же она красивая: глаза огромные и чёрные, как две шайбы, а косички с ярко-красными резинками, как красная карточка у судьи. И тут Лиза поворачивается ко мне. Смотрит на меня и начинает загадочно улыбаться. Я ей тоже улыбнулся в ответ. Лиза ещё сильнее начала улыбаться. Наверно, влюбилась в меня. Я подмигнул. И тут она начинает хихикать. Я не выдержал, спрашиваю:

– Ты чего хихикаешь? Влюбилась, что ли?

А она как давай ещё громче хихикать. А потом подвинулась ко мне и шепнула:

– У тебя волосы на голове дыбом стоят, как антенны. Сигналы из космоса принимаешь?

Я сразу вспомнил, что мама меня уже месяц звала в парикмахерскую. А я всё отказывался. И ещё вспомнил, что вчера вечером помылся и лег спать

с мокрой головой. И что сегодня утром так в школу спешил, что даже причесаться забыл. Я чуть под парту не сполз: «Это я что, три урока такой лохматый просидел? И мне никто не сказал?» Я лизнул пальцы и начал приглаживать волосы. Неожиданно мне в голову письмо прилетело. От моего друга Антона. Я потихоньку развернул скомканный лист. А там большое сердце во весь лист и надпись: «Костя + Лиза = любовь». Я разозлился, скомкал письмо и бросил его обратно. Анна Сергеевна тут же это заметила и решила устроить мне допрос. Вот почему, когда Антон в меня письмо бросил, она не видела? А как я ответное отправил, так сразу заметила? Так вот, она нахмурилась и говорит:

– А теперь Костя Курочкин нам расскажет, что он нового узнал на уроке.

Я встал и молча устоял на нашу учительницу.

– Ну же, смелее, – подбодрила Анна Сергеевна.

«Если буду молчать, – думал я, – то двойка гарантирована. Надо хотя бы попытаться». Я набрался смелости и сказал:

– Ну-у-у, про Париж много нового узнал. Про Эльфовую башню.

– Какую башню? – переспросила Анна Сергеевна.

– Эльфовую, – почти шёпотом пробормотал я.



Рисунок Юлии Чагиной

– Интересно, а почему у башни такое название? – улыбнулась Анна Сергеевна.

Все ребята уставились на меня, как будто я музейный экспонат, и начали похихикивать. Я почесал затылок, ещё раз пригладил свои «антенны». Сзади послышался шёпот Лёшки Тузикова:

– Потому что её построили эльфы.

А я возьми да повтори с ним. Все ребята засмеялись. Громче всех ржал Лёшка Тузиков. Ну, Лёшка, ты у меня получишь после уроков! А Лиза стукнула

себя ладонью по лбу, вздохнула и тоже захихикала. Её косички так и начали подсакивать, как собачьи уши во время бега. Анна Сергеевна снисходительно улыбнулась и поправила меня:

– Костик, башня называется Эйфелева. Потому что её построил Эйфель.

– Точно! Так она и называется! Я тогда забыл, а теперь вспомнил, – сказал я.

Я обрадовался, что учительница улыбалась. Значит, два она мне ставить пока не собирается. Зато она продолжала заваливать меня вопросами.

– А что ещё ты узнал про Париж?

Я посмотрел на Лизу. Она так красиво улыбалась, что я сразу вспомнил про картину с улыбающейся тётей и решил блеснуть эрудицией:

– Я бы хотел пойти в музей, где можно увидеть Лизу с анакондой.

Анна Сергеевна почему-то громко выдохнула и серьёзно переспросила:

– Какую Лизу? С какой анакондой?

– Ну-у-у, – протянул я.

А сам в это время думал: «Неужели я опять что-то не то сказал?»

– Ну-у-у, – повторил я, – это женщину так звали, которую известный итальянский художник нарисовал.

– А-а-а, поняла, – сказала Анна Сергеевна. – Ты нам сейчас, наверное, про Мону Лизу рассказываешь, – догадалась Анна Сергеевна, – которую ещё называют Джокондой.

Ребята начали громко смеяться. Да и Анна Сергеевна еле сдерживалась от смеха. Я хотел, чтобы в полу появилась большая дырка, и я бы в неё провалился. А сверху свалился бы люк. И я бы не слышал, как все смеются.

– Хорошо, – продолжала Анна Сергеевна, – это всё?

– Нет, – говорю, – я ещё про забор хотел сказать.

Анна Сергеевна смотрела на меня, совсем как я на неё в начале урока, а потом очень медленно спросила:

– Какой забор? Костя, ты ничего не перепутал?

– Ну, забор, который сгорел, потому что его двоечники ремонтировали. Забор Парижской Богоматери.

Анна Сергеевна молчала. Потом почему-то покраснела, набрала в рот воздух и медленно выдохнула. Видимо, не ожидала, что я ещё и про забор знаю. И тут Антон как ударит рукой по столу:

– Ну ты, Косточка, даёшь! Вот насмешил!

А ещё друг называется! Весь класс начал смеяться. У Анны Сергеевны задёрнулись плечи. Она вытерла лоб и сказала:

– Костя, не забор, а собор. Собор Парижской Богоматери. Собор – это церковь. Запомни и больше с забором не путай! Ты меня так насмешил сегодня, что я даже замечание в дневник писать не буду.

Прозвенел звонок. Расстроенный, я вышел из класса и встал в сторонке, чтобы не слышать, как

все смеются надо мной. Мне хотелось выйти из школы в гордом одиночестве. Пришлось смотреть в окно и делать вид, что ничего не слышу. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я повернулся. Это была Лиза. Она улыбнулась и сказала:

– Костя, ты такой весёлый! Я в субботу на каток хотела сходить. Пойдёшь со мной?

Я так обрадовался! Точно! У меня ведь нет замечаний! Я улыбнулся и сказал:

– Пойду!

### История 3. Существительное

Я сидел за столом и делал домашку по русскому. В комнату прибежала Лена с лошадкой в руках. Она встала у меня за спиной и начала смотреть в тетрадь. Я задёргался.

– Лен, иди отсюда, не мешай, – попросил её похорошему.

– Да я не мешаю, – обиделась Лена, – просто стою.

– А я не хочу, чтоб ты просто стояла! Иди, – повторил я.

Ленка молчит. Только сопит за спиной. Я повернулся. Она даже не пошевелилась.

– Ленка, пожалуйста, не стой над душой! – сквозь зубы проговорил я. – Иди в игрушки играй!

– Не хочу игрушки! Мне интересно, что ты делаешь, – сказала Лена.

– Ничего интересного не делаю, – вздохнул я. – Иди уже, не мешай.

– Не уйду, пока не расскажешь, – заупрямилась она.

Ох уж эти младшие сёстры! Если Лене что-то в голову взбредёт, то она просто так не отвяжется.

– Ладно, – согласился я. – Есть такие слова, которые обозначают предметы и отвечают на вопросы «кто?» «что?» Их называют именами существительными. Поняла?

– Поняла, – кивнула Лена.

– Существительные бывают одушевлённые и неодушевлённые, – продолжал я. – Поняла?

– Поняла, – опять кивнула Лена.

– А теперь мне надо подписать, какие существительные одушевлённые, а какие нет. Например, слово «гриб». Отвечает на вопрос «что?». Неодушевлённое. Поняла?

– Поняла, – сказала Леночка.

– А вот «мама» отвечает на вопрос «кто?» Оно одушевлённое. Ясно?

– Ага, – ответила Лена.

– Молодец, – опять похвалили я сестру. – А теперь сама. «Зонт» – одушевлённое или нет?

– Неодушевлённое.

– «Корова» – одушевлённое или нет?

– Одушевлённое.

Я даже удивился, как это Ленка так быстро сообщает. Она ведь меня на четыре года младше.

– Ладно, тогда последнее слово, – сказал я. – Самое сложное. «Домовой» – одушевлённое или неодушевлённое?

– Ни такое, ни такое, – сказала Лена.

– Почему? – удивился я.

– Потому, – она посмотрела на меня с видом знатока русского языка. – Потому что «домовой» – это не существительное!

– Что? – переспросил я.

– Не-щу-ще-стви-тель-но-е! – по слогам повторила Лена.

– Как это «не существительное»? – возмутился я.

– А так, – Лена пожалала плечами и вздохнула. – Ты что, не знаешь, что домовых не существует? Раз не существует, значит, это не существительное!

– Хе, ну ты даёшь, – начал я над ней смеяться.

Ленка сжала кулаки и со всей силы треснула меня по спине. Я уже хотел дать сдачи. Но тут она вместо меня долбанула кулаком по столу, разрыдалась и убежала на кухню с криками:

– Мама, Костик меня обижает!

– Я ничего не делал! – закричал я, но на всякий случай залез под стол.

«Ох уж эти младшие сёстры, – думал я. – Сначала они тебя о чём-то просят, а потом сами же обижаются!»



Рисунок Татьяны Оленовой